Дом Хаджи Баба Фирковича

Дом патриарха в усадьбе с колодцем – единственный сохранившийся древний жилой комплекс в Кале – образец древней архитектуры караев. Дом стоит над обрывом. В прошлом так выглядели большинство жилых строений, обрамлявших крепость. Вероятно, это единственный в Крыму средневековый дом в крепости, жизнь в котором не прекращалась с древнейших времен до наших дней.

А. Фиркович прибыл в Крым в 1822 г. Прежний хозяин его усадьбы в Кале неизвестен. Потомки патриарха жили в родовом доме до конца XIX века.

Резиденция Фирковича, как и неподалеку расположенный дом Бейма (разрушен при советской власти), были в XIX веке важными местами притяжения. Под гостеприимным кровом просвещенных хозяев перебывало множество посетителей, что отражено в мемуарной литературе.

Усадьба патриарха служила одновременно подворьем для паломников и гостей, храмом науки и просвещения, средоточием национальной караимской культуры, центром сохранения святыни и объединения соплеменников.

Во дворе усадьбы (западнее дома) намечали построить здание караимского музея. Дом А. Фирковича предполагалось использовать для показа народного быта и создания этнографической выставки, чему помешали I мировая война, затем революция с трагическими последствиями для всех народов страны.

По приглашению караимских общин в начале XX века в доме обосновалась семья Дубинских, более полувека сохранявшая усадьбу и традиции ее посещения даже в годы советской власти. Здесь гостеприимно принимали соплеменников и гостей, отправляли религиозные обряды, отмечали праздники. Этот очаг караимской культуры притягивал крымских караимов из разных мест проживания.

Среди Дубинских были газзаны, смотрители. Представители рода инициировали и создали музей пещерных городов, бережно охраняли и содержали в порядке в трудные годы святыню крымских караимов и памятники других народов в окрестностях Бахчисарая (Газы Мансур, Успенский монастырь, Эски Кермен, Мангуп Кале и т. д.). Усадьбу и всю крепость содержали в порядке, чистили водоводы, подправляли стены.

После выезда Дубинских из Кале усадьбу и город временщики довели до катастрофического состояния. В пещерах развели свиней. Коровы гуляли во дворе храма, оскорбляя верующих.

В 1989 г. в усадьбе содержался скот смотрителей. Общее техническое состояние – неудовлетворительное. В документах исследований реставраторов значится, что отсутствует черепичное покрытие крыш, намеренно снятое администрацией Бахчисарайского историко-археологического музея, в связи с чем гибнет художественно выполненный плафон в жилом корпусе; повреждены деревянные галереи, каменные стены, сложенные на глиняном растворе, штукатурка фасадов и интерьеров; территория с западной стороны требует специальных работ по расчистке завалов; в одноэтажном служебном корпусе полов нет вообще и пр..

В 1989 г. актами осмотра технического состояния памятника истории и культуры зафиксировано аварийное, неудовлетворительное состояние сооружений (баня и двор – удовлетворительное, но требующее ремонта). Кроме бани на зданиях снята черепица, покрытие толью, требуется замена крыши. Утрачена деревянная стена двухэтажного служебного корпуса. Особое опасение вызывает двухэтажная галерея с западной стороны, терраса с восточной, полы второго этажа, плафон с резным декором, деревянные панели с декоративно выполненными нишами жилого дома. Утраты первоначального облика памятника – 60 процентов.

Ремонтно-реставрационные работы по проекту института «Укрпроектреставрация» (Киев) проводились до 2010 г.

Требования проекта выполнялись не всегда. Так, была произведена отмостка главного корпуса с восточной стороны – в результате закрыт мощеный двор, встроенная скамья в стене, поднят уровень земли, окна первого этажа в жилом доме стали вровень с землей, закрыт водосток.

Усадьба – единственная, которая в таком объеме и виде сохранилась в Кале. На улицу выходят глухие стены. Между усадьбами – калитки. Жилой дом двухэтажный. В комнатах по периметру – сэты (низкие диванчики); сундуки, полки раф для утвари, встроенные шкафы и пр. хозяйственные помещения (баня, кухня и пр.) расположены во дворе.

Хорошо продумана система водостоков, утилизации мусора. Сохранились ливнестоки.

С 1906 г. в усадьбе жил смотритель крепости газзан А. С. Дубинский с семьей. Здесь останавливались и жили многие видные крымские караимы: С. Шапшал, Б. Кокенай, С. Кушуль и др. Из дома смотрителей Дубинских выселили в 1942 г. Здание долго пустовало.

С 2000 г. в усадьбе постоянно находится охрана заповедника, смотритель.

С 2001 г. усадьба использовалась для проведения мероприятий, встреч, фестивалей, научно-практических семинаров и др. мероприятий крымских караимов. Здесь располагалась этнографическая выставка. В независимой Украине караимы до 2011 г. могли частично участвовать в судьбе святыни.

А. ПОЛКАНОВА.

Выпуск подготовлен этно-культурным центром «Кале» и научным советом Ассоциации «Крымкарайлар». Контакт через редакцию газеты «Къырым». Тел. 504-251.

Сакральные места тюрков

Это почитаемые народом священные места проведения праздников и обрядов, отправления культа, паломничества, святилища, территории родов, чтимые деревья, источники, природно-культовые и другие объекты, издревле особо значимые для коренного населения.

Сохранение священных мест – гарант существования этнокультур, особенно коренных малочисленных народов. Попытки разрушения сакральных мест или отлучения от них коренного народа – это кощунство и покушение на само существование народа. На этой почве возникают конфликты. Так было недавно в Алтае, когда коренные жители края протестовали против археологических раскопок.

В Монголии и других странах священные территории и объекты имеют официальный статус. Правительство республики Алтай в России недавно приняло постановление о сохранении и развитии сакральных мест. Идет работа по приданию особого статуса сакральным местам Тувы, Хакасии, Бурятии.

Древнейшие сакральные места крымских караимов в Крыму – «священная колыбель» – город-крепость Кале (Джуфт Кале) и родовое кладбище-святилище Балта Тиймэз – Топор не тронет. В их пределах находятся и отдельные сакральные объекты: куллюк – зольник, ритуальная площадка, оконечность мыса Бурунчак и др.

Еще на заре образования независимой Украины Совет Министров Крыма принял постановление (1992, № 5) «О мерах по сохранению и возрождению культурного наследия караимов и крымчаков».

Пункт 3 предусматривал внесение «предложения Верховному Совету Крымской АССР об установлении статуса уникальных караимских и крымчакских исторических территорий в местах их компактного проживания в прошлом». То есть речь шла о сакральных местах.

Крым мог бы стать примером цивилизованного отношения к исчезающим коренным народам. Но не стал. Управление культуры (ныне уже Министерство) не поддержало инициативу Совета Министров и не внесло рекомендованное предложение Верховному Совету.

Ныне ощущаем отголоски этого бездействия – крымским караимам намеренно сорвали проведение международного молодежного трудового лагеря в их святыне Кале, нарушив тем самым законы Украины и международное право. Согражданам и мировому сообществу продемонстрирован пример бесчеловечного отношения к исчезающему коренному народу.

По приказу г. директора Бахчисарайского заповедника похищены подготовленные для проведения лагеря вещи, закрыто помещение культурного центра, не дали завезти воду... Лишили тем самым народ прав, которыми крымские караимы пользовались в Украине в течение 15-ти лет.

Кто за этим стоит? Кто решил перед выборами навредить авторитету власти и имиджу Украины?

А. ТОПОРКОВ.

Участники караимского трудового лагеря в восторге и не подозревают, что их ждёт... (Дворик дома Фирковича).

Учёные о работах А. Фирковича

Открытие и исследование А. Фирковичем древнейших памятников некрополя крымских караимов самого старого тюркского кладбища в Европе Балта Тиймэз явилось научной сенсацией, вызвало глубокий интерес и было высоко оценено ещё при жизни учёного.

Уже после его смерти с подачи А. Гаркави началась и продолжается его последователями по сей день дискредитация результатов работ А. Фирковича. Причём эти «учёные» замалчивают исследования авторитетных гебраистов XIX века, «по горячим следам» оценивших значимость и подтвердивших открытия новейшими, уже собственными, находками на Балта Тиймэз.

Заключения этих учёных ещё при жизни А. Фирковича опубликованы на гебрайском языке и недоступны современному отечественному читателю. Поэтому процитируем их отзывы в переводе Б. С. Ельяшевича на русский язык.

Б. Штерн:

«После того, как было опубликовано о находке 58 древних надгробных памятников, которые обнаружил учёный Фиркович во время своей первой поездки в 5599 г. (1839) и среди которых находился памятник И. Сангари, я решил со своей стороны, а также по поручению учёных, состоящих на государственной службе (…) произвести тщательное критическое исследование по этому поводу».

В 1848 г. учёный более двух месяцев вёл исследования на кладбище, нашел упомянутые А. Фирковичем надгробия и отметил, что они «… являются истинными и достоверными и что, за исключением нескольких незначительных отклонений, все они согласуются буква к букве с копиями, снятыми с них учёным Фирковичем, да сияет светоч его.»

Относительно памятника И. Сангари Б. Штерн пишет: «…я свидетельствую здесь абсолютным свидетельством, что я отыскал и осмотрел и его и … не может быть ни капли сомнений в истинности этого памятника». Учёный нашел ещё и не замеченный А. Фирковичем памятник с надписью «Сангарит».

Далее Б. Штерн отмечает: «В добавление к этому я нашел там ещё несколько очень древних памятников и между ними один от 4358 г. от сотворения мира (598 г. н. э.), который, следовательно, намного древнее по времени всех тех памятников, которые нашёл он, да светится светоч его».

Симха Пинскер (1852):

«Вот оригиналы сами свидетельствуют о себе. Они же очень близки, находятся в упомянутом Крыму, а не на небесах. Всякий сомневающийся пусть поедет, осмотрит, прочтёт, выслушает, разузнает и тогда сам подтвердит правду. Кто же признает их негодными, тот делает это по своей порочности. Слава же этого учёного остаётся непоколебимой и истина служит ему в помощь».

Р. Рабинович изучал надгробия 10 дней и отметил (1878): «Я нахожу справедливым публично заявить: что некоторые из учёных нашего времени без основания подвергали сомнению древность дат в его книге (А. Фиркович, «Авне Зиккарон», 1872, Вильно).

Я сам копал, счищал с камней землю, их покрывшую, и с большим трудом прочитал около двадцати из них… все они согласны с его текстом. Кто хоть сколько-нибудь знаком с формами древнего шрифта тот опытным глазом узнает, что они очень-очень древни».

Р. Рабинович подтвердил свои выводы и после смерти А.Фирковича, указав, что лучший свидетель подлинности камней – «опытный глаз, умеющий испытывать древность шрифта и формы букв, ввиду чего вся казуистика теряет всякое значение».

«Таковы свидетельства трёх учёных, которые – пишет Б. С. Ельяшевич, – занимались изучением надписей на древних памятниках на месте – непосредственно по оригиналам».